

Litera

Правильная ссылка на статью:

Стефанчиков И.В., Давыдов Т.Г., Горшков А.И. — К проблеме этимологии и адаптации заимствований в греческом языке: $\mu\omicron\upsilon\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\omicron\upsilon\tau\sigma\omicron\varsigma$ и $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ [L. Diac. hist. V 91–92] — исп. *mozo?* перс. *موزک*? арм. *մութսլ*? слав. *моужь?* // Litera. – 2022. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.10.39015 EDN: FAXQPU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39015

К проблеме этимологии и адаптации заимствований в греческом языке: $\mu\omicron\upsilon\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\omicron\upsilon\tau\sigma\omicron\varsigma$ и $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ [L. Diac. hist. V 91–92] — исп. *mozo?* перс. *موزک*? арм. *մութսլ*? слав. *моужь?*

Стефанчиков Игорь Вячеславович

кандидат филологических наук

специалист по учебно-методической работе кафедры иберо-романского языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, ауд. 1058

✉ i.stf@ya.ru**Давыдов Тихон Георгиевич**

ORCID: 0000-0002-3103-2844

специалист по учебно-методической работе кафедры классической филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51, ауд. 1026

✉ tychondavydov@gmail.com**Горшков Андрей Иванович**

преподаватель кафедры латинского языка и основ терминологии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова

117997, Россия, г. Москва, ул. Островитянова, 1, каб. 3105

✉ a.i.gorshkov95@mail.ru[Статья из рубрики "Языкознание"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2022.10.39015

EDN:

FAXQPU

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2022

Дата публикации:

25-10-2022

Аннотация: Объектом исследования является проблема интеграции испанских, персидских, армянских и славянских заимствований в греческий язык, предметом — этимология лексем $\mu\omicron\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\omicron\tau\sigma\omicron\varsigma$, $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$. Особое внимание уделяется проблемам этимологизации, нюансам словарных значений в разные периоды в различных языках-источниках, отражению проблемы в этимологических и иных словарях. Отмечается, что лексические заимствования в результате языковых и культурных контактов проникали из различных сфер человеческой деятельности, как то: морской, торговой, военной, политической, государственной. Учитываются как лингвистические аспекты, так и контекст употребления гапакса $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ в «Истории» Льва Диакона. Основные выводы проведённого исследования — наиболее правдоподобной из всех версий происхождения $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ является персидская (от موزك *mūzak*), изложены аргументы против ирано-армянской и славянской версий; подтверждена испанская этимология $\mu\omicron\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\omicron\tau\sigma\omicron\varsigma$ (\leftarrow *mozo*) через возможное посредство итал. *mozzo*. Особым вкладом авторов в исследование темы является суммирование лексикологической и лексикографической традиции описания анализируемых лексем. Новизна исследования заключается в систематизации византийской и новогреческой антропонимики с компонентом $\text{Mo}(u)\zeta\alpha\kappa$ - и в предложенной конъектуре в текст издания Льва Диакона, предполагающей написание с заглавной буквы (Μουζακίτζης вм. $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$).

Ключевые слова:

греческий язык, испанский язык, персидский язык, армянский язык, праславянский язык, заимствования, этимология, многоязычие, Византия, Лев Диакон

Вступление

В любом языке мира достаточно много слов, этимология которых не вполне ясна. Существуют различные версии их происхождения — особенно в таких языках, как греческий, носители которого активно взаимодействовали с разными культурами в различные исторические эпохи; греческая культура всегда находилась на пересечении потоков культурно-цивилизационного влияния и языковых контактов.

Ряд лексем $\mu\omicron\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\omicron\tau\sigma\omicron\varsigma$ и $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ отлично иллюстрирует эту проблему, так как в данном случае этимологизация вызывает значительные трудности. Проблемой происхождения и первоначального значения этих лексем занимались в том числе крупные исследователи в сфере неоэллинистики, которые выдвигали различные версии происхождения данных слов. Эти версии последовательно рассматриваются в настоящем исследовании.

Предположительно, одним из первых, кто коснулся этого вопроса, стал Адамантий Корай (также часто называемый Адамантиос/Адамандиос Кораис; мы придерживаемся прижизненного варианта передачи его фамилии), создатель кафаревусы («очищенного» от варваризмов варианта новогреческого языка). Затем проблема рассматривается Евангелином Апостолидом Софоклом (Евангелинос Апостолидис Софоклис/Софоклес; мы используем вариант «Софокл», т. к. это почётное прозвище [18, с. 502–504]), который считается отцом новогреческой филологии (неоэллинистики). Однако до сих пор вопрос

о языке-источнике рассматриваемых лексем, которому и посвящена настоящая статья, остаётся открытым.

Следует отметить, что на текущий момент нет однозначного представления о том, являются ли лексемы $\mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma$ и $\mu\omicron\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ родственными, так что проблема их этимологизации дополнительно усложняется. Несмотря на то, что однозначно подтвердить родство лексем не представляется возможным, они могут быть связаны через семантическую конвергенцию, морфологическое переразложение и фонетическое сближение разных этимонов в рамках народной этимологии.

Кратко перечислим версии происхождения анализируемых лексем: испанская, персидская (возможно, через армянский язык), славянская. К тому же, эти версии не стоит рассматривать изолированно, так как они необязательно противоречат друг другу: некоторые из них могут образовывать несколько параллельных систем взаимовлияния.

I. $\mu\omicron\iota\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\omicron\iota\sigma\omicron\varsigma$ ← (*mozzo* ←) *mozo*

Нет сомнений, что $\mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$ и $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma$ являются диахроническими вариантами одной лексемы. Написание с $-\tau\zeta-$ в лексикографии восходит к Корая и представляет собой попытку приведения варваризма к более традиционной и типичной для орфографии позднеантичного и византийского периодов форме (ср.: Иоанн Цец — $\tau\zeta\acute{\epsilon}\tau\zeta\eta\varsigma$). Действительно, для такой орфографии часто характерно неразличение глухих и звонких аффрикат при отражении заимствований, в отличие от орфографии современного новогреческого языка (после отмены в 1976 году кафаревусы), где более последовательно применяется фонетический принцип письма: $/t\hat{s}/$ и $/d\hat{z}/$ всегда различаются с помощью буквенных сочетаний $\sigma\tau\omicron$ и $\tau\zeta\omicron$ [39, с. 476]. Вариант $\mu\omicron\iota\sigma\omicron\varsigma$ отражает пореформенную орфографию новогреческого языка, где все диакритики, кроме акута, отменены. Важно отметить, что у этой лексемы существует множество других ненормированных средневековых вариантов периода адаптации заимствования: $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\mu\sigma\tau\omicron\iota\varsigma$ / $'mut\hat{s}\iota\omicron\varsigma$ /, а также деминутивы $\mu\omicron\iota\sigma\acute{o}\rho\omicron\upsilon\lambda\omicron$, $\mu\iota\sigma\acute{o}\rho\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, $\mu\iota\sigma\tau\acute{o}\rho\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ [19] и т. п. Некоторые из этих вариантов закрепились в новогреческом языке в качестве фамилий, поэтому настоящий анализ также важен для исследования новогреческого ономастикона.

Как уже было сказано, первое доступное нам научное рассмотрение лексемы $\mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$ можно найти в многотомном лексикографическом труде Адамантия Корая « $\sigma\tau\alpha\kappa\tau\alpha$ », где она фигурирует в виде $\mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$ (т. V, 1835 г.). Корай объединяет все омофоны в одну словарную статью [45, с. 225].

В первом пункте словарной статьи приводится вариант, представляющий собой искажённое $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma$ (в современном написании — $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma$), которое означает 'мус 'виноградное сусло' (*moût* — в « $\sigma\tau\alpha\kappa\tau\alpha$ » метаязыком лексикографического описания является французский). Согласно Корая, название $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma$ происходит из разговорного итальянского языка ($\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\iota\tau\alpha\lambda\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\mu\omicron\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$) и в дальнейшем переходит в $\mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$ ещё больше «варваризируясь» ($\beta\alpha\rho\beta\alpha\rho\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ [$\mu\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\omicron$]). Данные сведения можно найти в статье о слове $\mu\omicron\iota\sigma\tau\acute{o}\kappa\epsilon\tau\omicron$, которое также означает 'муст' [45, с. 224–225]. Очевидно, с точки зрения современных представлений о греческой фонетике данное место можно трактовать следующим образом: $\mu\sigma\tau\omicron\varsigma \rightarrow \mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$, то есть $/st/$ перешло в $/t\hat{s}/$, которое могло записываться сочетанием $\tau\zeta\omicron$ (см. выше). Маловероятно, что $\mu\sigma\tau\zeta\omicron\varsigma$ в этом значении произносится как $'mud\hat{z}\omicron\varsigma$.

Во втором пункте словарной статьи Корай приводит несколько примеров,

представляющих собой омонимы к μοῦτζος 'муст': μοῦτζος τοῦ σταύλου ('конюх', 'конеvod') которое предлагается заменить на древнегреческое ἰπποφορβός *valet d'écurie, palefrenier*). Далее приводятся синонимы к μοῦτζος: κοπέλι*valet* (отметим, что это слово является славянизмом) и μουλαράς *muletier* 'муловod'.

К третьему пункту статьи отнесено значение 'юнга': «Μοῦτζος σήμερον εἶς ἄμεις λέγει παιδίον ἰπουργὸν εἶς τὸ καράβιο (*usse*), ὡς τὸ ναυτοπαίδιον, ἄλλ. τοῦ ἰπποκράτη (ἰπιδημ. II, I, σελ. 689)», что можно перевести как: «Μοῦτζος — у нас так сейчас называется молодой человек, служащий на кораблях (*mousse*), также ναυτοπαίδιον — древнегреческий аналог у Гиппократа [Hippocr. epid. II, I, 689]». Из этого и предыдущего пассажей видно, что в большинстве случаев Корай приводит «очищенные», правильные замены (ἰπποφορβός и ναυτοπαίδιον) устоявшимся в новогреческом языке варваризмам — это и является главной задачей труда «Ἄτακτα».

В последнем разделе словарной статьи приводится этимология лексемы μοῦτζος: «ὡς τὸ Ὁ Μοῦτζος, ἰπλάσθη ἰπὸ τὸ ἰσπανικὸν νέος (*jeune*) καὶ τοῦτο πάλιν, ὡς νομίζουσι ἰπυμολόγοι, ἰπὸ τὸ Μόσχος, ἄλλ. τὸ σημάδιον ἰχι μόνον τὸ νέον βώδιον (чаще — βόδι, однако βώδιον засвидетельствовано у Гесихия — прим. авт. статьи), ἄλλ' ἰπλῶς ἰλα τὸ ν καὶ ἰπαλά». Перевод: «Как ἰ μοῦτζος, происходит от *ισπανικὸν νέος, jeune* ('молодой' — прим. авт. статьи), которое в свою очередь, как считают этимологи, происходит от μόσχος, обозначающего по-гречески не только молодого бычка, но вообще всё молодое и свежее». Наконец, μοῦτζος и μοῦστος приведены в общем индексе лексем [\[46, с. 83\]](#).

Как уже было сказано, в современном новогреческом языке анализируемая лексема имеет вид μοῦστος, что зафиксировано в нормативных словарях.

Наиболее подробное толкование μοῦτσος даётся в словаре Димитрия Димитрак(ос)а: «ναυτοπαῖς, καὶ κατὰ ἰπέκτασιν μαθητευόμενος ναύτης, πρωτόπειρος, ἰπειρόπλοιο θαλάσσωτος, παῖς κάτω τὸν 15 ἰτὸν ἰπερετὸν ἰπὸ πολεμικὸν ἰ ἰμπορικοὸν πλῆκμάθησιν τοῦ ναυτικοῦ ἰπαγγέλματος» [\[43, с. 4774\]](#) («юнга (ναυτοπαῖς), в более широком смысле обучающийся моряк, начинающий, не привыкший к мореплаванию и морю, младше 15 лет, служащий на военном или торговом судне с целью обучения морскому ремеслу»). Димитрак относит это слово к демотике, а также указывает деминутив среднего рода μοῦτσόπουλο, приводя его значение: «μικρὸς παῖς χρησιμοποιοῦμενος ἰ μοῦτσος, μικρὸς μοῦτσος, ναυτοπαῖς, ναυτοπούλο» («мальчик, используемый как юнга маленький юнга, морячок»). Обе словарные статьи снабжены примерами, в том числе из народных (демотических) песен [\[43, с. 4774\]](#). Также в словаре отдельно рассматриваются лексемы ναυτοπαίδιον, ναυτοπαῖς, ναυτοπούλο [\[43, с. 4852\]](#).

В словаре Манолиса Триандафиллидиса лексеме μοῦστος даётся следующее толкование: «ἀγόρι ἠ ἠέφηβος που δουλεύει σε πλοῖο με σκοπὸ να εκπαιδευτεῖ στο ναυτικὸ ἐπάγγελμα» («мальчик или юноша, который служит на судне с целью обучения морскому ремеслу») [\[50\]](#). В качестве этимона приводится итал. *mozzo*, которое предлагается сравнить с исп. *mozo*. Переход о → и объясняется влиянием губного /m/ или закрытым произношением /o/ в южных диалектах итальянского языка. В качестве синонимов в соответствующих словарных статьях приводятся лексемы ναυτοπαῖς и ναυτοπούλο, причём первая из них представляет собой дальнейшую (по сравнению с Кораем, который опирается на Гиппократ) гиперархаизацию (εξαρχαϊσμός) из ναυτοπαίδιον [\[50\]](#).

В словаре Георгия Бабиньотиса (ΛΝΕΓ) μοῦστος объясняется как «μαθητευόμενος ναύτης, χωρίς συγκεκριμένη ειδικότητα» («обучающийся моряк без определённой специальности»).

В этимологическом разделе словарной статьи $\mu\acute{o}\upsilon\tau\sigma\omicron\varsigma$ приводится лишь итал. *mozzo*, восходящее, по Бабиньотису, к лат. *musteus* 'πρόσφατος', 'νέος' ('свежий', 'молодой') (от лат. *mustus* с той же семантикой) [53, с. 1130]. В качестве синонима приведено слово $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\alpha\iota\delta\omicron$, датируемое 1889 годом, а также $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\alpha\iota\varsigma$; в отличие от словаря Триандафиллидиса, $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\omicron\upsilon\lambda\omicron$ считается не синонимом $\mu\acute{o}\upsilon\tau\sigma\omicron\varsigma$, а уменьшительно-ласкательной формой от $\nu\alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$ ('морячок') [53, с. 1167].

Стоит отметить, что Бабиньотис в «Этимологическом словаре новогреческого языка», вышедшем уже после ЛНЕГ, уточнил этимологию, введя исп. *mozo* : $\mu\acute{o}\upsilon\tau\sigma\omicron\varsigma$ ← итал. *mozzo* ← исп. *mozo* 'νεαρός $\nu\alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$ — υπηρέτης, αγώρι (sic!)' ('молодой моряк — матрос, мальчик') ← лат. *must(e)us*. В качестве «торжественного» или «официального» ($\epsilon\pi\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma$ — из-за отмены кафаревусы греческие лексикографы вынуждены изобретать новые термины, описывающие слова, возникшие в этом варианте языка) синонима предлагается $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\alpha\iota\varsigma$ [52, с. 881]. Из ЛНЕГ в этимологический словарь были перенесены композиты $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\alpha\iota\delta\omicron$ и $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\omicron\upsilon\lambda\omicron$, датировка $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\alpha\iota\delta\omicron$ — 1889 г.; для $\nu\alpha\upsilon\tau\acute{o}\pi\alpha\iota\delta\omicron$ добавлены лишь помета $\lambda\acute{o}\gamma$. — «учёное», а также сведения о том, что эта лексема является переводом франц. *mousse* [52, с. 911-912]. Интересно, что действительно в одном из ранних французско-новогреческих разговорников, опубликованном в 1852 году, морской термин *le mousse* 'юнга' переводится именно как \acute{o} $\mu\acute{o}\upsilon\tau\zeta\omicron\varsigma$, ou [25, с. 49].

«Словарь средневековой греческой народной литературы (1100–1669)» Эммануила Криараса не учитывает [47] лексемы $\mu\acute{o}\upsilon\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\acute{o}\upsilon\tau\sigma\omicron\varsigma$.

Согласно статистическому анализу Сины Ахмади, выполненному на материале «Словаря иностранных слов новогреческого языка» Илиаса Константину [48], к испанскому языку восходит $\approx 1,02\%$ (41 лексема) от всего включённого в словарь фонда заимствований, который составляет 4.037 единиц [11].

Для более глубокого понимания возможных путей заимствования испанской лексемы *mozo* в греческий язык представляется целесообразным рассмотреть происхождение и траекторию семантической эволюции данного слова в испанском языке.

Лексема *mozo* обладает широким кругом значений. Так, в наиболее авторитетном академическом толковом словаре испанского языка *Diccionario de la lengua española* (DLE, до 2014 г. — *Diccionario de la Real Academia Española*, DRAE) у слова отмечено 15 значений, из которых 13 сохраняют свою актуальность в современном языке.

В качестве прилагательного *mozo*, *-a* может означать: «молодой, в силу возраста или сохранения характеристик, свойственных молодости» (1. *adj. Joven, por su poca edad o por las características de joven que conserva. Te veo muy moza. U. t. c. s.* [32]); 'холостой', 'незамужняя' (2. *adj. Soltero, célibe. U. t. c. s.* [32]); устар. 'распутник', 'бабник' (3. *adj. desus. mocero.* [32]).

Как существительное общего рода (*mozo*, *-a*) лексема может, помимо указанных выше 1-го и 2-го значения, имеет и другие: «(о человеке) пребывающий в юношеском возрасте» (4. *m. y f. Persona que está en su mocedad.* [32]); «слуга, особенно специализирующийся на конкретном виде работы», напр. официант (5. *m. y f. Persona que sirve como criado, en especial la destinada a un menester determinado. Mozo de cuadra. Moza de mesón.* [32]); 'низкоквалифицированный работник' (6. *m. y f. Empleado de categoría inferior, que realiza servicios para los que no se precisa gran cualificación. Mozo de estación, de café. Moza de*

hotel. [32]). Как существительное мужского рода *mozo* может также обозначать, помимо ряда предметов быта и технических реалий, призывника (7. *m. Individuo sometido al servicio militar desde que era alistado hasta que ingresaba en la caja de reclutamiento*. [32]). Как существительное женского рода *moza* также имеет, помимо ряда специализированных, малоупотребительное ныне значение «женщина, поддерживающая недозволенные сексуальные или романтические отношения с кем-л.» (15. *f. p. us. Mujer que mantenía una relación sexual o amorosa ilícita con alguien*. [32]).

Кроме того, словарная статья *mozo*, за DLE содержит широкий спектр конкретизирующих выражений, служащих для обозначения слуги или работника (см. значения 5 и 6 выше), занятого определённым типом деятельности: *mozo de caballos* 'конюх' (см. выше $\mu\omicron\sigma\tau\omicron\varsigma$ $\tau\omicron\sigma\tau\alpha\upsilon\lambda\omicron\upsilon$ 'конюх'), *mozo de cordel* (*de cuerda, de esquina*) 'носильщик', *mozo de espuela* (*de mulas*) 'погонщик', *mozo de estoques* 'слуга-оруженосец матадора', *moza de cámara* 'горничная', *moza de cántaro* 'служанка-носильщица воды', *moza de fortuna* (*del partido, de vida*) 'проститутка' и др.

Вопрос о происхождении слова является в испанской этимологической традиции достаточно разработанным, однако консенсус по этой проблеме фактически отсутствует. Состояние вопроса лучше всего резюмирует этимолог Хуан Короминас, автор наиболее авторитетного этимологического словаря испанского языка *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico* (DCECH, 1980–1991), отмечая, что с начала XIX в. в испанистике «каждый считает своим долгом высказать своё мнение» о происхождении ограниченного ряда базовых для языка слов, среди которых и *mozo*, вследствие чего этимология этой и некоторых других лексем была рассмотрена «десять, сто, двести раз» [16, с. 174].

Слово *mozo* (*moço* / 'mot̃so/ в средневековом написании и произношении) с точки зрения происхождения традиционно анализируется совокупно со словами схожего фонетического облика и семантического наполнения — *mocho* 'тупой, неострый' (и другие значения) и *muchacho* '(о человеке) молодой', 'мальчик, юноша' и др.

Уже в ранних лексикографических трудах эти три слова рассматриваются как связанные между собой. Так, например, Франсиско де Росаль в своём этимологическом словаре (*El Origen y etimología de todos los vocablos originales de la lengua castellana*, 1601) считает *mochacho* деминутивной формой *moço*: «*Mochacho, es diminutivo de Moço, como Moçacho*» [33]. Того же мнения придерживается и Себастьян де Коваррубиас (*Tesoro de la lengua castellana, o española*, 1611): «*este vocablo tiene el mesmo origen que el passado (moço — прим. авт. статьи); conuiene a saber, mocho, mutilus, porque no ha crecido todo lo q ha de crecer*» [17]. Короминас в своём DCECH также обращает внимание на семантическое сходство слов *mozo* и *muchacho* [16, с. 172–175].

До Короминаса было принято возводить слово *mozo* (*moço*) к лат. *musteus* 'свежий', 'молодой' [29, с. 427]; [21, с. 387], *mocho* — к лат. *mutilus* 'увечный' [21, с. 381]. Короминас, однако, указывает на противоречия в общепринятых версиях, отмечая, что итоговая форма *mozo* с точки зрения истории фонетических преобразований ожидаема в Кастилии, но не в диалектах Леона и Риохи или галисийско-португальских источниках, где она фиксируется в идентичном фонетическом облике с самых ранних этапов развития языка [16, с. 172], а исходное латинское *mutilus*, в соответствии со всё теми же фонетическими законами, перешло бы в не в *mocho*, а в **mojo* — форму, не существующую в испанском [16, с. 96].

Вместо этого Короминас причисляет обе лексемы к большому кругу аналогичных единиц в романских языках, имеющих сходную семантику и фонетическую структуру, которую румынская исследовательница Симона Джорджеску обобщает так: «звонкий билабиальный согласный (носовой или взрывной: /m/~b/) + огубленный гласный /o~/u/ + глухой взрывной (переднеязычный или велярный: /t~/k/) или аффриката /tʃ~/[tʃ/]: {m/b} + {o/u} + {t/c/tʃ/tʃ}». Таким образом, выделяется серия корней типа *-mot-* / *-bot-* / *-moc-* / *-mut-* / *-but-* / *-moč-* / *-muč-* / *-mots-*, которая покрывает концептуально узкое лексико-семантическое поле «тупой — затуплённый — безрогий» (и другие производные значения), которые, на первый взгляд, невозможно свести к одному пракорню [22, с. 191].

Именно поэтому Короминас предлагает отказаться от занятий «фонетической акробатикой» и, произведя обзор различных версий происхождения слов *tozo* и *mocho*, оставляет открытым вопрос этимологии первого [16, с. 174], а относительно второго делает единственно возможный, по его мнению, вывод о том, что слова типа *mocho* не имеют этимологии, а являются спонтанным и независимым порождением, возникшим в разных романских языках на основе общего экспрессивного артикуляционного типа, передающего идею «округлости, сплюсненности, притуплённости» [16, с. 95-96].

Данный вывод, однако, представляется несколько спорным. Отталкиваясь от выделенной ранее группы корней, демонстрирующих семантическое сходство (как реально зафиксированных, так и реконструированных Вильгельмом Мейером-Любке — *muticus*, **mutidus*, *mutilus*, **mutius*, *mutt-*, *motta* (герм.), **bokya*, *bot*, *bott-* и Вальтером фон Вартбургом — *mutt*, *muttidus*, **muttiu*, **muts*, **but* (герм.), **butt-* (герм.), **bottia*, **buttia*), Джорджеску обращает внимание на общность семантического компонента «ребёнок» для целого ряда их производных в различных романских идиомах (здесь и далее примеры даются по Джорджеску): ладинск. *mut*, *mutta*, норманд. *moute*, франкопров. *motet*, окс. *mousse* 'девушка', беарн. *moussou*, катал. *mosso*, араг. *moşo*, леон. *motán*, астур. *motanín*, староисп. *moço*, а также, вполне вероятно, образованные от лексемы *mocho* единицы — исп. *mochil*, *mochelón*, *muchacho* [22, с. 194].

Далее Джорджеску выделяет возможные траектории пути переосмысления первичных сем или путём их прямой ассоциативной связи объекта с ребёнком ('полено, бревно' > 'ветка, палочка' > 'ребёнок'; 'безрогое животное' > 'детёныш' > 'ребёнок'; 'безволосый, лысый' > 'ребёнок'), или через сходство характеристик ('плоский, маленький' > 'ребёнок'; 'тупой, неострый' > 'глупый' > 'ребёнок'), или через метафорический перенос ('полено, бревно' > 'глупый' > 'ребёнок') [22, с. 194-195]. Таким образом, становится возможным предположить семантический сдвиг слов *tozo* и *mocho* в сторону общего значения 'ребёнок' [22, с. 197-198]. Джорджеску также высказывает предположения о двух возможных типах отношений между лексемами *tozo* и *mocho* — диатопические варианты и экспрессивные варианты.

Первая гипотеза основывается на трактовке Ги де Поерком различных путей развития глухой альвеолярной аффрикаты /tʃ/, которая в кастильском языке эволюционировала до глухого зубного щелевого согласного /θ/ (*mozo*), а в мосарабском — до глухой постальвеолярной аффрикаты /tʃ/ (*mocho*) [31, с. 89]. Вторая гипотеза исходит из вариативности, отмечаемой в испанском языке у ряда лексем, обладающих экспрессивным потенциалом. Аффриката /tʃ/ в этом отношении представляет собой более маркированный вариант, соответствующий нейтральным /tʃ/, /s/ или /k/ — ср. *nacho* в м. *naso* 'нос', *chichito* в м. *chiquito*; Джорджеску также приводит в качестве

возможного примера *chico* в м. **çico* → **cico* (← лат. *cicum*) и допускает подобную экспрессивную вариативность не только в современном испанском языке, но и на протороманском этапе: **mu(t)tius* → исп. *mozo*, *mu(t)ticus* → исп. *mocho*, а также распространяя данную гипотезу на возможное чередование **mut(t)-* / **but(t)-*, что могло бы объяснить существование рассмотренных выше слов на *b-* со схожей семантикой. Лексема *muchacho* в любом случае рассматривается этимологами как производное либо от *moço*, либо от *mocho*. [22, с. 199–200].

Дальнейшая семантическая эволюция от значения «ребёнок» намечена Короминасом. В староиспанском (напр., у Гонсало де Берсео) лексема *moço* используется в качестве существительного для обозначения, скорее, ребёнка, нежели юноши. Ещё в испанско-латинском словаре Антонио де Небрихи (*Vocabulario español-latino*, 1495) видим: «*moço de edad pequeña: puer* <...> *moça pequeña de edad: puella*» [30]. Уже в XIV в., однако, регистрируется употребление лексем *moço*, *moça* применительно к подросткам, а затем и к мужчинам и женщинам, не достигшим зрелого возраста — см. «Книга благой любви» Хуана Руиса (1330?), «Граф Луканор» Хуана Мануэля (1331–1335). Развитие значения «слуга, служанка» Короминас также относит к XIV в. [16, с. 172]. Впоследствии лексема продолжает расширять свою семантику, приобретая ряд специализированных значений (напр., 'юнга', 'конюх', 'носильщик'), и настолько укореняется в значениях 'молодой', 'молодой человек', что синонимичное слово *joven* даже в функции прилагательного достаточно долго продолжает ощущаться как культизм (учёное заимствование) [16, с. 172].

Из испанского, как указывает Короминас, слово перешло в другие языки: катал. *mosso* 'слуга' и *mossa* 'служанка', 'молодая девушка'; франц. *mousse* 'юнга'; староитал. *mozzo* 'слуга' → совр. итал. 'юнга' [16, с. 173]. Мнение о заимствовании данного слова из испанского другими романскими языками разделяется каталанскими, французскими и итальянскими этимологами.

Так, в «Каталано-валенсийско-балеарском словаре» Антони Мари Алковера и Франсеска де Борхи Моля (*El Diccionari català-valencià-balear*, 1963) в качестве источника катал. *mosso* приводится каст. *mozo*: «*Etim.: del cast. mozo*» [12]. Составители с опорой на работу Бенедика Видоса, посвящённую маринизмам-итальянизмам во французском языке (*Storia delle parole marinaresche italiane passate in francese*, 1939), отвергают возможность происхождения катал. *mosso*, франц. *mousse* и итал. *mozzo* напрямую из латинского языка [12].

В свою очередь, *Trésor de la langue française*, наиболее авторитетный этимологический словарь французского языка, впервые фиксирует лексему *mousse* (совр. франц. 'юнга', 'строитель-подмастерье') в 1515–1522 гг. в форме *mosse*, в 1547–1550 гг. — в современной форме [38]. Словарь считает французскую лексему (как и итал. *mozzo*) заимствованием из испанского языка — возможно, через посредство окситанского или каталанского: «*Empr., peut-être par l'intermédiaire de l'occitan, — soit à l'esp. mozo* <...>, — *soit au cat. mosso* <...>, *lui-même empr. (de même que l'ital. mozzo « apprenti marin » depuis 1602 d'apr. DEI) à l'esp. mozo*» [38].

Бельгийский исследователь Свен Стеффенс приводит франц. *mousse* в качестве примера лексемы, перешедшей из одной профессиональной сферы в другие [36, с. 201–215]. Из жаргона моряков (см. значение «юнга», общее для различных языков), которые, находясь в среде постоянных языковых контактов, судя по всему, играли в данном

случае, как и во многих других, роль «передатчика» лексических единиц между языками, это слово перешло в речь представителей других профессий. Стеффенс регистрирует использование лексемы *mousse* в бретонском языке в значениях «пастушок» и «подмастерье». Также, опираясь на данные различных региональных словарей, исследователь отмечает, что лексема *mousse* в значении «подмастерье» фиксируется в диалекте области Гом на юге Бельгии в речи каменоломщиков, во Франции — в речи строителей, а во фламандских диалектах (*moes*) — в речи плотников и столяров [36, с. 201-215].

Испанскую этимологию для лексемы итал. *mozzo* 'конюх' (см. выше исп. *mozo de caballos* и греч. $\mu\omicron\pi\tau\omicron\varsigma$ $\tau\omicron\pi$ $\sigma\tau\alpha\acute{\upsilon}\lambda\omicron\upsilon$), 'юнга' (также устар. '(низкоквалифицированный) слуга', приводит и этимологический словарь итальянского языка *Vocabolario Treccani* : *mózzo*² *s. m. [dallo spagn. mozo, che è il lat. musteus, nel sign. di «fresco, giovanile»]* [41]. Возвращаясь к словарной статье Короминаса, отметим, что лексикограф имплицитно указывает на то, что итал. *mozzo* 'юнга', будучи само адаптацией исп. *mozo*, стало источником для рассматриваемого здесь греческого слова $\mu\omicron\pi\tau\omicron\varsigma$, ссылаясь на работу Генри и Рене Кахане о греческих топонимах итальянского происхождения: «*De ahí luego el gr. mod. $\mu\omicron\upsilon\tau\tau\omicron\varsigma$ 'grumete' (Kahane, Byz.-Neugriech. Jahrbücher XV, 106)*» [16, с. 174].

В качестве любопытного наблюдения приведём тот факт, что испанский гуманист Хуан де Вальдес в своём «Диалоге о языке» (*Diálogo de la lengua*, 1535–1536) утверждает ровно противоположное, упоминая *moço* среди некоторых других слов кастильского языка, которые, по его (зачастую ошибочному) мнению, имеют греческую этимологию, не вдаваясь, однако, в детали [16, с. 174].

II. $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$

В V книге «Истории» Льва Диакона в качестве гапакса встречается слово $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$, по поводу происхождения которого существуют различные гипотезы, которые, очевидно, возникают именно из различных интерпретаций текста-источника: если бы слово не было гапаксом, оно бы не породило столько этимологических прений.

Приведём релевантный контекст (по *editio princeps* Карла-Бенедикта Газе 1828 г.): « $\delta\acute{\epsilon}\omicron\nu$ $\omicron\pi\upsilon$ $\epsilon\pi\upsilon$ ν $\mu\omicron\iota$ $\delta\omicron\kappa\epsilon$, $\tau\alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\nu$ $\tau\omicron\pi\upsilon$ $\pi\epsilon\rho$ $\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\tau\omicron$ $\tau\omicron\pi\upsilon$ $\alpha\pi\tau\omicron$ $\pi\rho\alpha\chi\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\nu$ $\delta\iota\eta\gamma\eta\sigma\iota\nu$ $\pi\epsilon\rho\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\tau\omicron$ $\pi\epsilon\rho$ $\tau\omicron\pi\upsilon$ $\omega\acute{\alpha}\nu\alpha\nu$ $\pi\rho\alpha\chi\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omega\nu$, $\omega\varsigma$ $\kappa\alpha\tau\prime$ $\omega\pi\iota\kappa\lambda\eta\sigma\iota\nu$ $\tau\zeta\iota\mu\iota\sigma\kappa\omicron\varsigma$ $\omega\kappa\alpha\lambda\epsilon\pi\tau\omicron$ ($\tau\omicron\pi\tau\omicron$ $\omega\rho\mu\epsilon\nu\iota\omega\nu$ $\delta\iota\alpha\lambda\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron\upsilon$ $\pi\rho\acute{\omicron}\sigma\eta\rho\mu\alpha$ $\omega\pi\upsilon$ $\epsilon\pi\iota\varsigma$ $\tau\omicron\pi\upsilon$ $\omega\lambda\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha$ $\mu\epsilon\theta\epsilon\rho\mu\eta\nu\epsilon\upsilon\omicron\mu\epsilon\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\nu$ $\delta\eta\lambda\omicron\iota\prime$ $\beta\rho\alpha\chi\acute{\upsilon}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ $\gamma\omega\pi$ $\tau\omicron\pi\upsilon$ $\omega\lambda\iota\kappa\iota\alpha\nu$ $\tau\epsilon\lambda\omega\nu$ $\omega\pi\omega\nu\mu\iota\alpha\nu$ $\tau\alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\nu$ $\omega\kappa\tau\acute{\eta}\sigma\alpha\tau\omicron$), $\kappa\alpha\tau\omicron$ $\tau\omicron\pi$ $\omega\nu\omega\nu$ $\omega\zeta\iota\pi\epsilon\omega\nu$ $\lambda\acute{\eta}\theta\eta\varsigma$ $\beta\upsilon\theta\omicron\iota\varsigma$ $\pi\alpha\rho\acute{\alpha}\rho\upsilon\eta\grave{\iota}$ $\acute{\epsilon}\rho\gamma\alpha$ $\beta\iota\omega\phi\epsilon\lambda\grave{\eta}$ $\kappa\alpha\iota$ $\mu\eta\acute{\eta}\mu\eta\varsigma$ $\acute{\epsilon}\pi\acute{\alpha}\xi\iota\alpha$ » [L. Diac. hist. V 91–92].

Перевод Газе на латинский язык: «*Tempus igitur iam mihi videtur, narratione de illo et actioninus illius coarctata, de rebus gestis Ioannis, cognomento qui Tzimisce perhibeatur (haec linguae Armeniae appellatio graece conversa muzacitzen valet: id autem, quia erat statura brevissimus, cognomen invenit) pro facultate dicere, ut res scitu utiles et memoria dignae oblivionis voragibus ne sommergantur*» [26, с. 91–92].

Перевод М. М. Копыленко на русский язык: «Итак, мне кажется, что пора прекратить рассказ о [Никифоре] и его деяниях и вписать по возможности деяния Иоанна, которого прозвали *Цимисхием* (это армянское слово в переводе на греческий язык означает „**туфелька**“⁶⁵; такое прозвище было дано Иоанну, потому что он был малого роста), — пусть же не исчезают в пучине забвения дела полезные и достойные памяти» [5, с. 50].

Перевод Д. П. Попова: «И такъ долгомъ поставляю окончить сіе описаніе и, по

возможности, изчислить д□янія Іоанна Цимисхія (сіе Армянское прозвание, на Греческомъ язык□ значить, *маленькой* : онъ получилъ его по малости своего роста), чтобы полезныя и достопамятныя событія не сокрылись во глубинѣ забвенія» [4, с. 57].

II.1. Персидская версия: *μουζακίτζης* ← *موزک mūzak*

Судя по тексту Льва Диакона, слово *μουζακίτζης* (*kleine Sandale* 'маленькая сандалия' [37]) должно представляться потенциальному читателю либо исконно греческим, либо хорошо адаптированным заимствованием. Конечно, первое маловероятно (особенно учитывая турецкое происхождение суффикса *-τζής*), но в любом случае автор явно предполагает, что слово точно знакомо обычному носителю греческого языка его времени. Действительно, оно не снабжено никаким специальным комментарием, а само по сути является таковым. Как предполагает Павел Каролидис, это слово воспринималось как «греческое» из-за активного использования, вследствие чего Лев Диакон «воспользовался им, как греческим, для истолкования равнозначного армянского слова *տութիոս*» [6, с. 150].

С такой точкой зрения согласен и Р. М. Шукуров, чья статья «Некоторые персидские заимствования в среднегреческом» является важнейшим исследованием этимологии *μουζακίτζης* [9, с. 123-124]. В данной работе автор последовательно отстаивает персидское происхождение византийского *μουζάκιον* 'сапог', от которого происходит деминутив *μουζακίτζης*, и отрицает армянское посредство (о котором см. раздел II.2). Причину заимствования Шукуров видит в том, что «византийцы особенно любили восточную обувь и заимствовали целый ряд соответствующих персидских слов» [9, с. 123]. Правоту данного утверждения может подкрепить тот факт, что уже в античности мы встречаем не только иранские заимствования, обозначающие обувь (так, предположительно, заимствованием, восходящим в конечном итоге к производному от праиранского глагола *(h)mauč- [15, с. 138-140], является *βαυκίδες* 'женская обувь' [13, с. 208]; [34, с. 60-62]; Шантрен и Фриск иранскую версию вовсе не упоминают [14, с. 171]; [20, с. 228]), но и субстантивированное прилагательное *Περσικά, αἰ* (букв. «персидские») 'slippers' [27].

Характерно, что среднеперсидское диалектное *موزک mūzak* (ср. стандартное {mwsk'} *mōzag* [28, с. 56], восходящее к праиран. **mauča-ka-* 'обувь' [10, с. 292]) и ср.-перс. поздн. *mōzag* [10, с. 292] распространяется на три стороны света: на севере имеем армянское *մութիոս mučak*, на юге — арабское *موزج mawzaj*, на западе — греческое *μουζάκιον* (стандартная адаптация обозначения неодушевлённого предмета с помощью суффикса *-ιον*). Возможна также и другая интерпретация греческого *μουζάκιον* — как происходящего от новоперсидского *موزج mōza* с последующей двухступенчатой суффиксацией *-άκ- + -ιον* [9, с. 123-124].

Скорее всего, адаптация *موزک mūzak* в греческом языке в виде *μουζάκιον* произошла ненамного раньше времени жизни историка и связана с военными нововведениями императора Никифора II Фоки, предшественника Иоанна I Цимисхия: дело в том, что наименование *μουζάκιον* встречается в *Praecepta militaria* Никифора II Фоки, «Тактиках» Никифора Урана и Никона Черногорца, а также «Трактате о должностях» Псевдо-Кодина [37], что позволяет датировать заимствование первой половиной X века. Видно, что его, скорее, можно отнести к третьей из выделяемых Шукуровым категорий персидских лексических заимствований [9, с. 119] — «государственная терминология и война».

Как и многие другие иранизмы, слово *μουζάκιον* прочно вошло в лексический фонд

греческого языка, однако в таком виде сохранилось вплоть до поздней Византийской империи (XV в). В финансовых заметках, датированных 1324 [9, с. 124], 1328 и 1443 годами соответственно [37], обнаруживаются композиты *μουζακοπέτζωμα* *Besohlen (von Schuhen)* 'подметка' [37] ('подошва сапог' [9, с. 124]) и *μουζακοπράτης* *Verkäufer von Oberleder (für Schuhe)* 'продавец кожи для обуви'. Шукуров полемизирует с Петером Шрейнером, издателем книги «Тексты по финансовой и экономической истории поздней Византии в манускриптах из Ватиканской библиотеки» (*Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana*), в тексте которой встречаются указанные композиты. Согласно Шукурову, интерпретация Шрейнером лексемы *μουζακοπράτης* является неточной; предлагается толкование 'продавец обуви' [9, с. 124], то есть в качестве значения компонента *μουζακ-* берётся изначальное (по LBG) — *Sandale* 'сандалия', а не вторичное — *Oberleder* 'кожа для обуви', которое происходит прежде всего из трактата Псевдо-Кодина: «*□πάνω τ□ν τ□ν □ποδημάτων μουζακίων*» («на кожей сандалий») [37]. По всей видимости, путаница в интерпретациях (предмет обуви / материал для обшивки обуви) связана с особенностями самого вида обуви, которая носила название «*μουζάκιον*»: нет сомнений, что это была очень лёгкая обувь (похожая на сандалии), которая состояла из одной подошвы (кожаной — по версии LBG) и креплений (ср. *□π□δημα*). Таким образом, появление композитов *μουζακοπέτζωμα* и *μουζακοπράτης* показывают последующий переход *μουζάκιον* во вторую (по Шукурову) категорию — «торговая терминология», что подтверждается и финансово-экономическим контекстом, в котором они возникают.

В любом случае, уже виден потенциал для расширения спектра значений лексемы *μουζάκιον* и других однокоренных слов. Каролидис в статье «О значении и этимологии прозвища „Цимисхий“» («Περὶ τῆς ἐρμηνείας καὶ τοῦ ἐτύμου τῆς ἐπωνυμίας Τσιμισκῆς») пишет, что значение «короткая обувь» эволюционировало в понятие «короткий» вообще [44], приводя в качестве доказательства прозвище «*μοζ□κ*» (см. ниже; у Льва Диакона речь идёт о низком росте императора Иоанна I Цимисхия) [6, с. 150].

Корень *μουζακ-* и его производные оказались продуктивными для образования греческих прозвищ, перешедших впоследствии в фамилии. Среди этих прозвищ встречаются:

- деминутивные: *Μουζάκιος*, популярное с XI до XV в. [9, с. 124], и образованное от него *Μο(υ)ζάκης* (после выпадения -ο- и перехода морфологической модели в I склонение в связи с итацистическим совпадением произношения ι и η в /i/ — с вариантами *Μο(υ)ζάκη*, *Μουζάκι*); *Μο(υ)ζακίδης* (патронимического происхождения — с вариантами *Μουζακίδου*, *Μουζαϊδης*, *Μουζαϊδου*); *Μουζακόπουλος* (с вариантом *Μουζακοπούλου*);
- аугментативные: *Μουζάκας* (с вариантами *Μουζάκα*, *Μουζακάδη*);
- образованные с помощью форманта -ίτης: *Μουζακίτης* (с вариантами *Μουζακίτη*, *Μουζακίτου*);
- образованные с помощью форманта -ώτης: *Μουζακιώτης* (с вариантами *Μουζακιώτη*, *Μουζακιώτου*);
- образованные с помощью форманта -άρης ← -άρις ← -άριος ← лат. -arius: *Μουζακιάρης* (с вариантом *Μουζακιάρη*) [49].

Прозвища-фамилии *Μουζάκης* и *Μουζάκιος* включены в «Просопографический словарь эпохи Палеологов» («*Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*») Эриха Траппа [37].

Выделяется в этом ряду фамилия Μο(υ)ζάκ, представляющая собой неадаптированное прозвище иноязычного происхождения — вероятно, через посредство турецкого, что косвенно подтверждается наличием фамилии Μοζάκογλου [49]. Можно предположить, что необычное для фамилий на -όγλου ударение объясняется тем, что на самом деле она представляет собой турецкую квазипатронимическую форму *Μοζάκ ογλού (Mozak-oğlu), которая, согласно свидетельству Каролидиса, была популярна ещё в 1920-е гг. в Малой Азии среди туркоязычного населения [6, с. 150–151].

Если принять персидскую версию, слово μουζακίτζης, означающее 'башмачок', является примером возникновения прозвища, которое можно сравнить с лат. *Caligula*. В то же время, по причине гапаксности лексемы её можно интерпретировать не как нарицательный деминутив от наименования обуви персидского происхождения (*башмачок*), а как Μουζακίτζης (с большой буквы, «*Башмачок*» или «*Башмачкин*»), т. е. перевод армянского прозвища Ծիմիսկից греческим аналогом, пусть и персидского происхождения. Представляющееся не вполне удачным написание перевода прозвища «Цимисхий» со строчной буквы — μουζακίτζης — в таком случае можно сравнить с выбором нарицательного слова «кузнец», а не русского аналога «Кузнецов» при необходимости калькирования на русский язык английской фамилии *Smith*. Кроме того, -τζής — суффикс, используемый для образования *nomina agentis*, а данная словообразовательная модель в ономастических традициях разных народов является чрезвычайно продуктивной при образовании прозвищ (фамилий).

Таким образом, предлагается поставить вопрос о графической конъектуре в текст Льва Диакона.

Наконец, лексема μουζάκιον и её производные (в том числе μουζακίτζης) являются ярким примером, приметой эпохи, когда иранизмы проникали в греческий язык непосредственно, а не через турецкий или европейские языки, как это, по данным Василия Мегаянниса, чаще всего происходило впоследствии [Мегаяннис, с. 16–17].

II.2. Ирано-армянская версия: μουζακίτζης ← մըւծակ տիճակ ← *mōṣak*

Несмотря на это, некоторые учёные всё-таки выдвигают гипотезы о языке-посреднике: в предыдущем разделе настоящей статьи уже была упомянута армянская версия. Русскоязычному читателю она может быть знакома по комментарию М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова к уже процитированному фрагменту из «Истории» Льва Диакона, а также по обзору И. И. Соколова в «Византийском временнике», представляющему собой пересказ вышеупомянутой статьи Каролидиса.

Приведём текст комментария целиком: «⁶⁵ Армянское *čtušak* — от персидского *čatšak*, означает „туфля“. Слово „μουζακίτζης“ нигде больше в византийской литературе не встречающееся, истолковано в словаре Софоклиса (1900, 770) как „человечек“. В действительности же это другое армянское слово персидского происхождения, также означающее туфельку — *тиճակ* (Ачарян . 1977, 629–630). В Константинополе жило много армян, и ряд армянских слов был хорошо знаком византийцам. Существует, впрочем, гипотеза и о грузинском происхождении Цимисхия (Тихая-Церетели . 1934)» [5, с. 193–194].

Действительно, в научном сообществе не вызывает сомнения иранское происхождение лексемы մըւծակ *тиճակ* 'маленький ботинок', 'башмачок', 'женская обувь'. «Этимологический словарь армянского языка» Грации Ачаряна даёт в качестве реконструируемой праформы арм. *մըւծակ **mōiṣak*, которая, как и существующая в

языке форма $\mu\lambda\beta\omega\lambda\iota$ *tučak*, восходит к среднеиранскому *mōčak* [1, с. 357b]; [23, с. 196]; [42, с. 140].

Согласно Каролидису, «прозвище $\text{Τοῖμιος} \xi\iota\varsigma!$) (от армянского տοῖμῖοս) обозначает „короткую обувь — $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha \beta\rho\alpha\chi\acute{\upsilon}$ “, и Иоанн был прозван „коротким“ за свой малый рост. А слово $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$, армянское *mudjag*, тоже означает короткую, небольшую обувь» [6, с. 150]. Далее Каролидис приводит греческую транслитерацию новоперсидского варианта — $\mu\omicron\upsilon\zeta\acute{\epsilon}$ ($\mu\omicron\upsilon\zeta\acute{\epsilon}$), которое обозначает обувь вообще, без оттенка уменьшительности [6, с. 150]. Конечно, иранский (в узком смысле слова) вариант *muze* вместо классического персидского *mōza* — это анахронизм, и это не единственная ошибка, которая присутствует в тексте статьи. Так, форма « $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ » интерпретируется как деминутив, который, по словам Каролидиса, есть как в персидском, так и в армянском языке; на самом деле формы с конечным *-g* / *-k* отражают более раннее, среднеперсидское состояние, а *-k* в словах $\mu\omicron\upsilon\zeta\acute{\alpha}\kappa\iota\omicron\upsilon\varsigma$ и $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ — часть уменьшительного суффикса греческого происхождения.

В книге Николая Панайотакиса «Лев Диакон. Биографические сведения. Рукописи и издания» (« $\Lambda\epsilon\omega\nu \mu\lambda\beta\eta\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$. Βιογραφικὸν. Χειρῶγραφα καὶ ἰκδῶσεις») также выдвигается гипотеза о том, что $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ является эллинизацией арм. $\mu\lambda\beta\omega\lambda\iota$ *tučak*. Однако Шукуров верно отмечает, что фонетический состав персидского этимона ближе к греческой производной [9, с. 124] в силу большей близости греческого *-ζ-* /*z*/ к персидскому *-j-* /*z*/, чем к армянскому *-b-* /*tʃ*/, что всё-таки делает маловероятной версию заимствования через армянский язык. Кроме того, заметим, что если бы ирано-армянская версия соответствовала действительности, то мы, скорее всего, имели бы в греческом языке форму **μουτζακίτζης* или **μουτσακίτζης* — как уже было сказано в разделе I, $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha$ в византийское время могло передавать как глухое /*tʃ*/, так и звонкое /*dʒ*/, в том числе в качестве отражения иноязычного /*tʃ*/ . Иллюстрацией этого может послужить новогреческое написание $\text{Τοῖμιος} \xi\iota\varsigma$ вместо византийского $\text{Τζῖμιος} \xi\iota\varsigma$ [39, с. 476]. Книгу Панайотакиса также подверг критике А. П. Каждан, признавая, однако, её вклад в изучение наследия Льва Диакона [24, с. 201-202].

Албанскую версию Шукуров отвергает [9, с. 124]; грузинская же [7] представляется столь же несостоятельной и основанной на устаревших (в т. ч. марристских) представлениях о механизмах фонетических изменений.

II.3. Славянская версия: $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ ← *мжж* / *моужь*

В «Словаре греческого языка римского и византийского периодов (со 146 г. до н. э. до 1100 г. н. э.)» Софокла существительному $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$, η , $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha$ даётся интерпретация « $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$, $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$, $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ » ('человечек'). Судя по всему, она основана на предполагаемой Софоклом этимологии лексемы — от «русского *μouzh man*, $\mu\lambda\beta\eta\mu\alpha\tau\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ » [35, с. 770], которое понимается как производящая основа двойного деминутива (*double diminutive*) $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\acute{\iota}\zeta\eta\varsigma$ [35, с. 770] (← $\mu\omicron\upsilon\zeta\acute{\alpha}\kappa\eta\varsigma$ ← $\mu\omicron\lambda\beta\eta\mu\alpha$ ← **μouζ*). В этом случае, как и в одной из приведённых выше этимологизаций (новоперс. $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha$ *mōza* + *-āk-* + *-iōn*), мы имеем двухступенчатую суффиксацию *-ākης-* + *-τῆς* (ср. рус. *муж-ич-ок*), а бессуффиксное $\mu\omicron\lambda\beta\eta\mu\alpha$, которое Софокл предлагает сравнить с франц. *mousse* и исп. *tozo* (новогреч. *cabin-boy*, *swabber* 'юнга'), понимается как эллинизированная форма от $\mu\omicron\upsilon\zeta$ [35, с. 770]. В словарь Софокла вошло очень мало славянизмов (6), что может говорить как о достаточно вдумчивом подходе составителя словаря к этимологизации

μουζακίτζης, так и о том, что остальные варианты происхождения лексемы ему показались маловероятными.

Аргументом против славянской версии является характер употребления лексемы μουζακίτζης в тексте Льва Диакона: явный и избыточный варваризм едва ли был бы употреблён как общепонятное слово, тогда как в случае с иранской версией происхождения μουζακίτζης это просто обозначение конкретной реалии быта. Также стоит учитывать, что славянский варваризм был бы скорее ожидаем в демотическом тексте, в то время как произведение Льва Диакона в целом находится в русле античной традиции и подражания классическим образцам. Со славянской версией также спорят, как было сказано выше, и М. Я. Сюзюмов и С. А. Иванов в своём комментарии к Льву Диакону.

Кроме того, необходимо учитывать контекст употребления лексемы. Хотя Софокл ссылается на вышеупомянутое место у Льва Диакона [35, с. 770], он никак не комментирует тот факт, что μουζακίτζης используется в качестве перевода прозвища Τζιμιρκιάς, которое однозначно не может быть понято как «человечек», потому что этимологи сходятся во мнении, что оно происходит от арм. շմրկ չ՝ *tušk* 'сапожок'.

С точки зрения фонетики передача слав. -ж- /з/ греческим -ζ- не вызывает вопросов: известно большое число топонимов славянского происхождения, в которых засвидетельствован данный переход: *Лоужа → Λοζα, *Лоужица → Λουζιτσα, *Жоупьна → Ζοπινα, *Жоупанье → Ζοπινιον, *Жоужелци → Ζοζιλτσι, *Жоужел → Ζοζουλη и т. д. [40, с. 252]. Об этом пишет и сербский исследователь Якша Динич, используя, однако, неточную формулировку «грчко ζ имало је и вредност словенског гласа ž » [3, с. 197] («греческое ζ соответствовало славянскому звуку ž »). Правильнее было бы говорить о передаче славянского /з/ греческим /з/ ζ. Там же Динич апеллирует к устаревшему представлению о произношении ζ как /dʒ/ [3, с. 197].

Наконец, для славянской гипотезы встаёт вопрос о корневом гласном этимона. Если к моменту заимствования ещё не произошла деназализация (*мѣжь /' mǝʒj/ [8, с. 670]), в этом случае мы бы имели форму *μѣζακίτζης. При этом вопрос о хронологических рамках утраты носовых гласных в славянских языках остаётся открытым. Известно, что дольше всего носовые звуки на юге ареала распространения славянских языков сохранялись в болгарском [2, с. 245–246]. По некоторым данным, «в конце IX — начале X в. носовые гласные ещё сохранялись, а к середине X в. они уже утратились» [2, с. 244]. Таким образом, если принять славянскую версию, исходное слово уже прошло через процесс деназализации, и заимствование с ου попадает в греческий язык сравнительно недавно относительно времени жизни Льва Диакона (ок. 950–992). При этом по имени Σφενδοσλάβος [L. Diac. hist. V 79], [26, с. 79] (ср. имена князей — сербского Мутимира и русского Святослава соответственно: Σφενδοσθλάβος *Святославъ* и Μουντιμρος *М тим рѹ* Константина Багрянородного в это же время) мы видим, что во время жизни Льва Диакона носовые гласные чаще сохранялись при передаче на греческий язык.

Заключение

В заключение ещё раз отметим, что проблематика этимологии рассмотренных в статье лексем начала разрабатываться уже с момента начала активного теоретического и практического осмысления самого новогреческого языка в трудах создателя кафаревусы Адамантия Корая и выработки научного подхода в этой области (словарь Софокла, «первого неозеллиниста» — по выражению Дирка Хесселинга). В рамках настоящего исследования были проанализированы различные версии этимологизации лексем

μοῦτος / μοῦτος и μουζακίτης: испанская, персидская, ирано-армянская и славянская. Проведённый анализ показал важность проблемы адаптации заимствований в греческом языке на примере конкретных лексем.

Достаточно обоснованной является испанская версия, согласно которой новогреческое μοῦτος 'юнга' происходит от исп. *mozo* ('молодой', 'юноша' и ряд других значений), которое в свою очередь традиционно возводят к лат. *mustus* в значении 'молодой', 'свежий' (от *mustus* 'муст', 'молодое вино'). Подобное мнение, однако, оспаривается рядом этимологов. Так, например, Хуан Короминас, опровергая упомянутую выше этимологию, выдвигает версию о спонтанном порождении слов типа *mozo* и *mocho* в разных романских языках на основе общего экспрессивного артикуляционного типа, передающего идею «округлости, сплюсненности, притуплённости». Симона Джорджеску, в свою очередь, полемизируя с Короминасом, указывает на сходство семантики и фонетического облика ряда романских корней *-mot-* / *-bot-* / *-moc-* / *-mut-* / *-but-* / *-moč-* / *-muč-* / *-mots-*, развивших общий компонент значения 'ребёнок'. Несмотря на то, что этимология испанской лексемы остаётся не вполне ясной, вопрос её установления выходит за рамки настоящей статьи, являясь, по сути, одной из «вечных» проблем испанистики.

В любом случае, исп. *mozo*, начиная по крайней мере с XIV в., расширяет свою семантику и развивает ряд значений, включая 'слуга', а также производные от него специализированные: 'конюх', 'носильщик', 'официант' и др. С этого времени созвучные лексемы в сходных значениях регистрируются и в других романских языках (катал. *mosso*, франц. *mousse*, итал. *mozzo*), причём среди этимологов существует определённый консенсус по поводу того, что все эти слова восходят к испанскому этимону. Заимствование в греческий могло произойти как напрямую из испанского, так и через другие романские языки (вероятно, через один из итальянских диалектов), причём наличие общего для французского, итальянского и греческого языков значения 'юнга' может свидетельствовать о том, что распространение слова в языках Европы происходило через речь моряков.

Что же касается лексемы μουζακίτης, являющейся гапаксом в тексте Льва Диакона, то представляющаяся нам наиболее вероятной персидская версия происхождения в конечном итоге связывает лексему со словом *موزاك mūzak*, обозначающим обувь. У Льва Диакона μουζακίτης используется для истолкования прозвища императора Иоанна I Цимисхия. Скорее всего, адаптация *موزاك mūzak* в греческом языке в виде μουζάκιον произошла ненамного раньше времени жизни историка и связана с военными нововведениями императора Никифора II Фоки, предшественника Иоанна I Цимисхия: дело в том, что наименование μουζάκιον встречается в *Praecepta militaria* Никифора II Фоки, «Тактиках» Никифора Урана и Никона Черногорца и «Трактате о должностях» Псевдо-Кодина [\[37\]](#), что позволяет датировать заимствование первой половиной X века. Видно, что его, скорее, можно отнести к третьей из выделяемых Шукуровым категорий персидских лексических заимствований — «государственная терминология и война», однако впоследствии μουζάκιον переходит во вторую категорию — «торговая терминология», что подтверждается композитами μουζακοπέτρωμα и μουζακοπράτης и финансово-экономическим контекстом, в котором они возникают.

При этом существует также версия, названная нами ирано-армянской, по которой μουζακίτης попадает в греческий язык не напрямую из персидского, а через посредство арм. *միժակ mičak* 'маленький ботинок', 'башмачок'. По мнению Павла Каролидиса, значение 'маленькая обувь' эволюционирует в 'маленький', 'низкорослый'. Эта версия

кажется менее правдоподобной с учётом несомненно большего фонетического сходства греческой лексемы с персидским оригиналом.

Наконец, славянская версия, выдвинутая в словаре Софокла, представляется наименее вероятной. Форма $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ 'маленький человек', 'мужичок' связывается с $\mu\omicron\upsilon\zeta\eta$ / $\mu\omicron\upsilon\zeta\eta$ и образована с помощью наращения двух суффиксов $-\acute{\alpha}\kappa\eta\varsigma$ и $-\tau\zeta\eta\varsigma$, которые понимаются как деминутивные. Слабость этой версии обосновывается не только чуждостью явного варваризма тексту, написанному в русле античной традиции, но и проведённым сравнительным анализом передачи в греческих заимствованиях корневого гласного предполагаемого славянского этимона ($\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ / $*\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ и $\Sigma\phi\epsilon\nu\delta\omicron\sigma(\theta)\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\varsigma$ *Святослав*).

Прямое родство $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$ с $\mu\omicron\upsilon\zeta\eta$ / $\mu\omicron\upsilon\zeta\eta$ не доказано, но они могут быть связаны по смыслу в рамках народной этимологии и семантической конвергенции, так как не стоит исключать возможное сближение семантических ядер 'молодой' и 'маленькая обувь' путём выделения общего смыслового компонента 'нечто маленькое, незначительное'. Это может подтверждаться и наличием в греческом ономастике большого числа фамилий, возникших из пейоративных прозвищ, указывающих на физические изъяны их носителей. Данное императору Цимисхию прозвище, которое Лев Диакон переводит с помощью слова $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$, также служит примером подобного антропонимического генезиса.

Несмотря на то, что данная лексема является гапаксом, исследователи сходятся во мнении, что контекст употребления подразумевает её абсолютную понятность потенциальному читателю Льва Диакона. Высокая степень освоенности лексемы доказывается наличием в греческом языке этого периода слова $\mu\omicron\upsilon\zeta\acute{\alpha}\kappa\iota\omicron\nu$ и однокоренных. В то же время, по той же самой причине — гапаксности лексемы — её можно интерпретировать не как нарицательный деминутив от наименования обуви персидского происхождения, а как $\mu\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\iota\tau\zeta\eta\varsigma$, т. е. перевод армянского прозвища Դժմուկ греческим аналогом, пусть и персидского происхождения (таким образом, предлагается графическая конъектура в текст Льва Диакона). В рамках этой концепции ирано-армянская гипотеза ещё больше теряет своё наполнение, так как нелогично интерпретировать одно непонятное армянское прозвище другим армянским прозвищем.

Многоязычный характер византийского общества обеспечил внедрение в греческий язык многочисленных лексических заимствований, которые по-разному осмыслились и адаптировались носителями языка. Иногда возникали сложные системы семантико-фонетической конвергенции, иллюстрацией которой могут служить и рассмотренные в статье лексические единицы.

Библиография

1. Ачарян Г. А. (Աճարյան Գ. Գ.) Этимологический коренной словарь армянского языка (Հայերեն արմատական բառարան). Т. III. Ереван (Երևան), 1977.
2. Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005. 352 с.
3. Динић Ј. Трагови древних језика у тимочкој топонимији // Бдење. 2013. Г. XII. № 37/38. С. 194–203.
4. Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія Византийскихъ писателей. Изданныя Карломъ Бенедиктомъ Газе / Переведенныя съ Греческаго на Россійскій языкъ Д. Поповымъ. СПб, 1820. 200 с.
5. Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. Комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. 239 с.

6. Соколов И. И. [Обзор] Π. Καρολίδης, Περί τῆς ἐρμηνείας καὶ τοῦ ἐτύμου τῆς ἐπωνυμίας Τσιμισκῆς (257–261). Ἐθνικὸν καὶ Καποδιστριακὸν Πανεπιστήμιον. Πρυτανεῖα Κωνστ. Η. Πολυγένοῦς (1921–1922). — Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς ΙΗ΄. Ἐν Ἀθήναις 1923. С. 150–151. / Новогреческая литература по византиноведению // Византийский временник. 1927. Т. XXV. С. 106–153.
7. Тихая-Церетели М. Г. К вопросу о племенном происхождении Иоанна Цимисхия // Труды Института славяноведения АН СССР. 1934. Т. 2. С. 239–243.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том II. Е–Муж. М., 1986. 672 с.
9. Шукуров Р. М. Некоторые персидские заимствования в среднегреческом // Иран-наме. 2008. № 3 (7). С. 119–126.
10. Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. I–п. М., 2015. 566 с.
11. Ahmadi S. Foreign loanwords in Modern Greek. 2019. // URL: <https://sinaahmadi.github.io/posts/foreign-loanwords-in-modern-greek.html> (дата обращения: 11.10.2022).
12. Alcover A. M., Moll F. de B. El Diccionari català-valencià-balear. Palma, 1930–1962. // URL: <https://dcvb.iec.cat/> (дата обращения: 11.10.2022).
13. Beekes R. S. P. Etymological Dictionary of Greek. Vol. I. A–Λ. Leiden, Boston, 2010. 885 p.
14. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I. A–Δ. Paris, 1968. 305 p.
15. Cheung J. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden, Boston, 2007. 600 p.
16. Corominas J., Pascual J. A. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico (DCECH). Vol. IV. Mi–Ri. Madrid, 1980. 908 p.
17. de Covarrubias S. Tesoro de la lengua castellana o española. Madrid, 1611. // URL: <https://apps.rae.es/ntlle/> (дата обращения: 11.10.2022).
18. Evangelinus Apostolides Sophocles // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1883–1884. Vol. XVIII. P. 502–504.
19. Fernández Galvín A. I. Canciones populares neogriegas de muerte en Tracia. Tesis doctoral. Granada, 2014. 527 p.
20. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. B. I. A–Ko. Heidelberg, 1960. 938 S.
21. García de Diego V. Diccionario etimológico español e hispánico. Madrid, 1954. 1069 p.
22. Georgescu S. R. Mozo, mocho y muchacho, ¿palabras sin etimología? // Casanova Herrero E., Calvo Rigual C. (Eds.) Actas del XXVI congreso internacional de lingüística y filología románicas. Vol. VIII. Valencia, 2013. P. 189–201.
23. Hübschmann H. Armenische Grammatik. I. Theil. Armenische Etymologie. Leipzig, 1897. 575 S.
24. Každan A. [Rev.:] Panayotakis (N. M.) Λέων ὁ Διάκονος. Α΄. Τὰ Βιογραφικά. Β΄. Χειρόγραφα καὶ ἐκδόσεις. Athens: the Author. 1965. Pp. 139. Price not stated // The Journal of Hellenic Studies. 1967. Vol. 87. P. 201–202.
25. [Laass d’Aguen A. M. P.] Guide de la conversation en français et en grec moderne, à l’usage des voyageurs et des étudiants en trois parties. Ἐγχειρίδιον Γαλλογραικικὸν πρὸς χρῆσιν τῶν περιηγητῶν καὶ τῶν μαθητευομένων τὰς δύο ταύτας γλώσσας εἰς τρία μέρη διηρημένον. Paris, 1832/1852. 548 p.
26. Leo Diaconus. Varii libelli qui Nicephori Phocae et Ioannis Tzimiscis historiam illustrant. Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et liber de uelitatione bellica

- Nicephori Augusti e recensione Caroli Benedicti Hasii addita eiusdem uersione atque annotationibus ab ipso recognitis. Bonnae, 1828. 624 p.
27. Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon (LSJ). Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford, 1940. // URL: <https://logeion.uchicago.edu/> (дата обращения: 11.10.2022).
 28. MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. London, New York, Toronto, 1971. 236 p.
 29. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911. 1092 S.
 30. de Nebrija A. [Vocabulario español-latino]. Salamanca, 149 // URL: <https://apps.rae.es/ntlle/> (дата обращения: 11.10.2022).
 31. de Poerck G. Muttus (Muccus), Mu(t)tius, Mu(t)ticus et leurs continuateurs romans. Essai de classement (REW 5709, 5787, 5792 et 5793) // Romanica Gandensia. 1959. Vol. VII. P. 65–103.
 32. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. Diccionario de la lengua española (DLE) // URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 11.10.2022).
 33. del Rosal F. Origen y etimología de todos los vocablos originales de la Lengua Castellana // URL: <https://apps.rae.es/ntlle/> (дата обращения: 11.10.2022).
 34. Rundgren F. Über einige iranische Lehnwörter im Lateinischen und Griechischen // Orientalia Suecana. 1957/1958. Vol. VI. S. 31–65.
 35. Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). New York, 1900. 1188 p.
 36. Steffens S. Noms d'apprentis et construction des identités professionnelles // Noms de métiers et catégories professionnelles / Hanne G., Judde de Larivière C. (Éds.). Toulouse, 2010. P. 201–215.
 37. Trapp E. Lexikon zur byzantinischen Gräzität. Fasc. 1–8. Wien, Bonn, Irvine, 2012–2020. // URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/lbg/> (дата обращения: 11.10.2022).
 38. Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine // URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения: 11.10.2022).
 39. Trunte N. [Rez.] The Konikovo Gospel. Konikovsko evangelie. Bibl. Patr. Alex. 268. Editors: Jouko Lindstedt, Ljudmil Spasov, Juhani Nuorluoto. Redaktori: Jouko Lindstedt, Ljudmil Spasov, Juhani Nuorluoto. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica 2008 (Commentationes Huma narum Litterarum 125). 440+LXXXII S. // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2009. Vol. 66. № 2. S. 473–478.
 40. Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970. 349 S.
 41. Vocabolario Treccani // URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения: 11.10.2022).
 42. West E. W. The Book of the Mainyo-i-Khard. Stuttgart, Berlin, 1971. 264 p.
 43. Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Τ. ΣΤ΄. Ἀθήναι, 1953. 2721 σ.
 44. Καρολίδης Π. Περί τῆς ἐρμηνείας καὶ τοῦ ἐτύμου τῆς ἐπωνυμίας Τσιμισκῆς // Ἐθνικὸν καὶ Καποδιστριακὸν Πανεπιστήμιον. Πρυτανεῖα Κωνστ. Η. Πολυγένοῦς (1921–1922). Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς ΙΗ΄. Ἐν Ἀθήναις, 1923. Σ. 257–261.
 45. Κοραῖς Ἀ. Ἄτακτα. Τ. Ε΄. Μ. Α΄. Ἐν Παρισίοις, 1835. 375 σ.
 46. Κοραῖς Ἀ. Ἄτακτα. Τ. Ε΄. Μ. Β΄. Πίνακες τῶν πέντε τόμων τῶν ἀτάκτων. Ἐν Παρισίοις, 1835. 432 σ.
 47. Κριαρὰς Ε. Λεξικὸ τῆς μεσαιωνικῆς ἐλληνικῆς δημῶδους γραμματείας. 1100–1669. Τ. ΙΑ΄. Θεσσαλονίκη, 1990. 416 σ.
 48. Κωνσταντίνου Ι. Η. Λεξικὸ των ξένων λέξεων στην ἐλληνικὴ γλώσσα. Αθήνα, 1992. 181

σ.

49. Λεξικό Ελληνικῶν ἐπωνύμων & ονομάτων. 2013. URL: <http://www.opengeodata.gr/wp-content/uploads/2013/unique.zip> (дата обращения: 11.10.2022).
50. Λεξικό της κοινῆς νεοελληνικῆς. Θεσσαλονίκη, 1998. // URL: https://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html (дата обращения: 11.10.2022).
51. Μεγαγιάννης Β. Ξένες λέξεις και μεταφραστικά δάνεια στη Νεοελληνική. Αθήνα, 2007. 33 σ.
52. Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Ετυμολογικό λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2010. 1652 σ.
53. Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας (ΛΝΕΓ). Αθήνα, 2002. 2032 σ

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос этимологии в лингвистики, пожалуй, остается самым сложным и не до конца решаемым. Следовательно, рецензируемая статья актуализирует указанную языковую нишу, дает возможность задуматься над методологией верификации происхождения того или иного слова. Автор отмечает, что «в любом языке мира достаточно много слов, этимология которых не вполне ясна. Существуют различные версии их происхождения — особенно в таких языках, как греческий, носители которого активно взаимодействовали с разными культурами в различные исторические эпохи; греческая культура всегда находилась на пересечении потоков культурно-цивилизационного влияния и языковых контактов». Действительно, трудно с этим не согласиться, стоит манифестировать эту позицию как некую отправную точку исследования. «Ряд лексем $\mu\alpha\tau\zeta\omicron\varsigma$ / $\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ и $\mu\omicron\zeta\acute{\alpha}\kappa\iota\tau\eta\varsigma$ отлично иллюстрирует эту проблему, так как в данном случае этимологизация вызывает значительные трудности. Проблемой происхождения и первоначального значения этих лексем занимались в том числе крупные исследователи в сфере неозллистики, которые выдвигали различные версии происхождения данных слов». Собственно, эти версии последовательно и рассматриваются в рецензируемом исследовании. Считаю, что работа концептуально сложена, основные тезисы / умозаключения автора доступны для прямого восприятия, факторов мешающих воспринимать внутреннюю логику, нет. Отмечу, исследованию присуща особая / точечная доказательная база, аргументация взвешена, непротиворечива, актуальна. Например, это проявляется в таких фрагментах как «нет сомнений, что $\mu\alpha\tau\zeta\omicron\varsigma$ и $\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ являются диахроническими вариантами одной лексемы. Написание с -τζ- в лексикографии восходит к Кораю и представляет собой попытку приведения варваризма к более традиционной и типичной для орфографии позднеантичного и византийского периодов форме (ср.: Иоанн Цец — Τζετζης). Действительно, для такой орфографии часто характерно неразличение глухих и звонких аффрикат при отражении заимствований, в отличие от орфографии современного новогреческого языка (после отмены в 1976 году кафаревусы), где более последовательно применяется фонетический принцип письма: /tʃ/ и /dʒ/ всегда различаются с помощью буквенных сочетаний $\tau\omicron$ и $\tau\zeta$ » и т.д. Принцип сопоставлений, на мой взгляд, показателен, конструктивен. Автору удастся ступенчато сложить информационные блоки: «Наиболее подробное толкование $\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ даётся в словаре Димитрия Димитрак(ос)а...», «В словаре Манолиса Триандафиллидиса лексеме $\mu\omicron\tau\omicron\varsigma$ даётся следующее толкование...», «В

словаре Георгия Бабиньотиса (ΛΝΕΓ) μούτσος объясняется как «μαθητευόμενος ναύτης, χωρίς συγκεκριμένη ειδικότητα» («обучающийся моряк без определённой специальности»), «Стоит отметить, что Бабиньотис в «Этимологическом словаре новогреческого языка», вышедшем уже после ΛΝΕΓ, уточнил этимологию, введя исп. tozo...» и т.д. Устойчивые языковые формулы-связки поддерживают магистраль анализа, не дают автору сбиться с выстроенного пути: «данный вывод, однако, представляется несколько спорным», или «судя по тексту Льва Диакона, слово μουζακίτζης (kleine Sandale 'маленькая сандалия') должно представляться потенциальному читателю либо исконно греческим, либо хорошо адаптированным заимствованием», или «с такой точкой зрения согласен и Р. М. Шукуров, чья статья «Некоторые персидские заимствования в среднегреческом» является важнейшим исследованием этимологии μουζακίτζης. В данной работе автор последовательно отстаивает персидское происхождение византийского μουζάκιον 'сапог', от которого происходит деминутив μουζακίτζης, и отрицает армянское посредство» и т.д. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, термины и понятия вводятся верно, без искажения коннотативного спектра. Завершает исследование развернутым выводом, показательно, что статья финально закрыта следующим итогом – «многоязычный характер византийского общества обеспечил внедрение в греческий язык многочисленных лексических заимствований, которые по-разному осмыслились и адаптировались носителями языка. Иногда возникали сложные системы семантико-фонетической конвергенции, иллюстрацией которой могут служить и рассмотренные в статье лексические единицы». Не вызывает сомнений самостоятельность данного труда, наличный объем позволяет полностью раскрыть тему, решить поставленный ряд задач. Материал имеет как научно-теоретический, так и практический характер, его будет удобно цитировать в рамках чтения курсов по сравнительно-сопоставительному языкознанию. Библиография настолько объемна, что она может стать подспорьем к изучению вопросов этимологии смежно-тематических исследований. Рекомендую статью «К проблеме этимологии и адаптации заимствований в греческом языке: μούτσος / μούτσος и μουζακίτζης [L. Diac. hist. V 91–92] — исп. tozo? перс. موز? арм. մութիշ? слав. моужь?» к публикации в журнале «Litera».